

Игорь Сычев

Легенда о каменном Мигеле

Моим дорогим братьям, Владимиру и Даниилу, с любовью посвящаю...

Книга первая

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ

Часть вторая

Лоскенн Лучник

Первый месяц в доме оружейника пролетел для Кевина незаметно. Всё происходящее с ним напоминало сказку, и юный принц, ещё недавно затворник, теперь дышал полной грудью. И хотя первую половину почти каждого нового дня он проводил в монастырской школе корпя над книгами, а вторую в мастерской за тяжелой работой, его друзья были рядом с ним, и это здорово упрощало жизнь, даже постылые обязанности превращая в приключения.

Но бывали дни, когда ни в школу, ни в кузницу идти было не нужно, и друзья уходили в лес. Там им зачастую удавалось всласть набегаться,

удачно порыбачить, иногда даже поохотиться, или насобирать для Корнелии полные корзины ягод или кореньев. Но больше всего они любили проводить в лесу ночи возле костра, наблюдая за звёздами и рассказывая друг другу занимательные истории. Правда, если в таких походах учувствовал Гай Лентул, то его обязательно сопровождал Гораций. Но бородач не мешал мальчикам. Редко вступая в беседу, он устраивался в сторонке и дремал, готовый, однако, вскочить при малейшей тревоге.

Потом произошел случай, после которого Кевин осознал, насколько привязался к Мигелу. Того неожиданно сразила жестокая лихорадка, и встревоженная Корнелия послала Кевина в монастырь за отцом Ильтудом. Мальчик, прихватив Ушастого, помчался выполнять её поручение. По дороге бедному ослику пришлось многое испытать. Его попытки поупрямиться и идти медленнее были жестко пресечены, и, поняв, что с взволнованным Кевином шутки плохи, ослик смиренно трусил за ним следом. А вот по дороге из монастыря многое пришлось испытать отцу Ильтуду. Несмотря на старость, он был очень ловким и выносливым стариком. Но восседая верхом на ослике, которого вёл под уздцы юный принц, старый монах невольно очутился лицом к лицу с многочисленными опасностями. Конечно, ему хотелось урезонить мальчика и заставить его идти помедленнее. Но

добрый старик понимал волнение Кевина, поэтому, поручив себя милосердию Божью, мужественно проделал нелёгкий путь. По прибытии домой Кевин помогал Ильтуду и Корнелии готовить целебные отвары, а потом почти всю ночь просидел возле постели своего друга.

Тревоги оказались напрасными. На следующий день Мигел проснулся полностью здоровым. На неделю он был освобождён от тяжёлых работ, и теперь друзья стали посещать лесные пущи гораздо чаще. Энгуса они брали с собой. Толстячок не сопротивлялся. Всякие там книжки, это, конечно, не его. Но погулять с друзьями в лесу, так от такого не отказываются.

Уже невозможно было узнать в Энгусе того забитого мальчика, который был выкуплен епископом Альбином из рабства пару месяцев назад. Он даже как будто вырос, возмужал, и теперь почти никогда не робел и не впадал в уныние. Естественно, Кевин и Мигел это заметили, и поэтому языкастый наследник престола не преминул сочинить стишок на латинском языке, повествующий о том, что:

*Словно нарцисс белоснежный, расцвёл
наш приятель угрюмый,
Солнцем британским согрет, и улыбкою
Олвен прекрасной.*

Когда он рассказал стих Мигелу, мальчик заявил, что солнце греет в Иберии, а в Британии только то и делает, что прячется в облаках и тумане, но в целом стих одобрил.

Но как раз в присутствии «прекрасной Олвен» Энгус вновь превращался в себя прежнего. Девочка была очень красива, и как бы ему этого ни хотелось, и как бы ни подбадривали его Мигел, Гай и Кевин, мальчик не находил в себе сил познакомиться с ней поближе.

Вскоре, однако, всё изменилось, и приведшее к этому событие навсегда сохранилось в памяти мальчиков как жутковатое, но славное приключение.

А началось всё с того, что Кевину, случайно подслушавшему разговор Родерика и Гаурдида, захотелось понаблюдать за Лоскенном Лучником. Не только мастера, проживающие по улице оружейников, но почти всё знали об ужасной трагедии, постигшей несчастного старика.

Лоскенн был самым метким лучником во всем королевстве, а также мастером — оружейником, прославившимся умением изготавливать грозное стрелковое оружие — аркибалисту. Он был богат, знаменит, и пользовался всеобщим уважением. Полностью счастливым он стал тогда, когда после

дочери — Карины, его супруга родила тройню. Трёх крепких, красивых мальчиков.

Девятнадцать лет Лоскенн прожил, как в раю. Сыновья подросли, нашли себе невест, и лучник в недалёком будущем видел свою мирную старость в окружении любимых детей и внуков. Свадьбы решили сыграть в один день, пригласили заранее множество гостей... И вот тогда с севера опять пришли пикты. И пришли не одни, а объединившись с многочисленными морскими бродягами. Опасность угрожала всем Северным Королевствам.

Говорят, старый король Мелвин и его сын Лугайд предлагали Лоскенну и его сыновьям не идти в поход. Может — правда, может — выдумка. Но вышло так, что Лоскенн вместе с сыновьями принял участие в битве возле Зелёного Причала. Войско северных королей отрезало армию пиктов от их морских союзников, и разбойники, высадившись на суше, прорывались на помощь к разрисованным пришельцам. Именно их атакам подвергся небольшой укреплённый пост, охраняемый Лоскенном и его сыновьями.

Видел ли старик, как один за другим падали замертво его любимые дети? Кто знает. Невозможно передать словами то, что ощущает человек во время битвы. Ни один пират не прорвался сквозь их оборону, двадцать вражеских

трупов лежало возле укрепления, но все три сына Лоскенна погибли, а сам он был страшно изранен.

Вместо свадеб были похороны. Супруга Лоскенна умерла сразу, как только ей принесли злые вести. Четыре могилы в один ряд появились на кладбище, а Лоскенн выкопал для себя пятую, лёг в неё, и стал ждать смерти. И до похорон, и после он всё время молчал, и как будто не видел и не слышал людей, находящихся рядом. Как только об этом узнал епископ Альбин, то сразу оставил все свои дела и пошёл на кладбище.

Что-то епископ сказал старику, поскольку из могилы он вылез, но вылез из неё не как живой человек, а как полу-мертвец. Он вернулся к себе домой, продолжил заниматься своим ремеслом, но за десять лет ни разу не покинул своего двора, и очень редко можно было услышать от него хоть слово. Даже с заказчиками он не разговаривал, а просто выслушивал, что им надо, и после завершения работы молча принимал плату, чаще всего в виде продуктов и одежды. Дочь Лоскенна Карина, её супруг Гаурдид и их дочери заботились о старике, но он словно не замечал их заботы.

Из разговора Родерика с Гаурдидом, а также из сплетен и слухов, Кевин узнал, что старик нынче совсем плох. Он потерял сон, и ночь напролёт бродил по двору, словно выходец с того света. И желание увидеть это завладело Кевином всецело.

Конечно, принц был добрым и храбрым мальчиком, но дети во все времена остаются детьми, и во все времена некоторые их поступки не поддаются никакому анализу. Уже тогда он чувствовал, что затеял не слишком хорошее дело, поэтому не сразу предложил свою идею друзьям. Но идти одному наблюдать за безумным стариком ему и вовсе не хотелось, поэтому во время одной из прогулок по лесу он изложил Мигелу и Энгусу свой план.

— Спустимся из окна ночью на верёвке, тихонько проберемся огородами к дому Лоскенна, чуточку посмотрим — и домой!

Энгус ничего не сказал, а Мигел нахмурился. Затем покачал головой.

— Отец Пелагий говорил, что если ты замышляешь что-то тайком от родителей, то это явно недоброе дело. Хочешь посмотреть на бедного старика, пойдешь к Гаурдиду и предложи помочь подежурить.

— С кем, с девчонками? Меня ведь там одного сразу не оставят. Это ты Энгусу предлагай...

Толстячок побагровел.

— Слушай, ты...

— Ладно, извини. Но я слышал сегодня, как Корнелия и Карина разговаривают. Этой ночью там дежурит Олвен. Так может, пойдём вместе?

Соблазн был велик. Энгус задумался. Увидев это, Мигел махнул рукой.

— Значит так. Ты мне спас жизнь, и всё такое. Теперь тебе нейдет, а мне деваться некуда. Но иду я не ради тебя, а ради нашего влюблённого друга. Потеряет сознание от восторга, так ты его сам домой не дотащишь.

Возникшая после этих слов беззлобная потасовка никак не повлияла на планы друзей. К ночи у них всё было готово к побегу.

Что ни говори, но это было здорово! Нарядиться в чёрные туники и плащи, прикрепить к поясам кинжалы (мало ли кого можно повстречать ночью), привязать к кровати и скинуть вниз прочную верёвку, спуститься по ней и исчезнуть в саду призраками — невидимками — что ещё нужно для мальчишечьего счастья? Даже добропорядочный Мигел увлёкся этим предприятием настолько, что перестал хмуриться.

К дому старого лучника можно было пройти двумя путями. Первый — перепрыгивая через заборы пробраться сквозь двор оружейника Луана, и очутиться прямо во дворе Лоскенна. Но этот план не подходил. Хозяин и его родные их не пугали. Луан, мастер по изготовке щитов, был добродушнейшим человеком, а его супруга Сегета так и вовсе воплощением доброты. Две его дочери ещё не умели ходить, а с тремя маленькими

сыновьями Кевин был хорошо знаком, поскольку их любопытные мордашки нередко возникали над забором, отделяющим двор Родерика от соседа. Кевин, Мигел и Энгус несколько раз играли с ними в прятки и догонялки, Корнелия угощала сладостями, Родерик подарил им свистульки, поэтому сыновья иберийца были для Луана полностью своими парнями. Но вот пёс у него был сердитый, и наверняка бы обнаружил во дворе нежданных ночных гостей. А объяснить причину такого появления хозяевам будет очень нелегко, какими бы добродушными они ни были.

Второй вариант был более подходящим для любителей ночных приключений. Между улицей Оружейников, и соседней улицей Сапожников пролежала балка, густо заросшая кустарником и деревьями, по дну которой протекала маленькая речушка, держа свой путь к королевскому замку. Балка эта была кладом для владельцев домов, поскольку в ней можно было пасти их многочисленных домашних животных, выпускать туда кур и гусей, разбивать небольшие огороды и прочее. Также там любила играть детвора. Днём балка была приветливым и красивым местом, но с наступлением ночи превращалась в место таинственное, и даже зловещее. Пробираться через неё в темноте, да ещё без факелов, чем не

приключение! И как тут, скажите, обойтись без кинжалов?

Был ещё и третий путь. Просто выйти из ворот и пройти к дому Лоскенна по улице. Но в этом случае всякая романтика и таинственность начисто исчезали, и поэтому подобный вариант даже не рассматривался.

Из окна мальчики выбрались без приключений. Прислушались. В доме было тихо. Тогда подошли к забору. Для Мигела и Кевина подобное препятствие не представляло проблемы, но вот грузоватому Энгусу пришлось помочь. В конце концов, все очутились в балке.

Казалось бы, чего в ней бояться тем, кто побывал на Восточных Болотах, среди руин римской крепости, да и вообще столько раз устраивал ночёвки в лесу? Но тогда рядом всегда был кто-то из взрослых, а теперь весь город остался за каменной стеной, а мальчики одни очутились в мире ночных теней и шорохов.

Лёгкий ветерок покачивал деревья, а мрак создавал в воображении мальчиков таинственные жутковатые образы. Кевин нащупал кинжал и сжал его в руке. Он заметил, что друзья его сделали то же самое. Но все трое были полны решимости, отступить никто не собирался, и поэтому мальчики, озираясь вокруг и прислушиваясь, направились к дому Лоскенна.

Проблема заключалась в том, что пройти к его дому напрямую вдоль забора не получалось. Забор, отделяющий двор Луана от балки, был густо оплетен ежевикой и колючим терновником, и спускались эти заросли вниз по склону до самого ручья, представляя собой непроходимое препятствие. Чтобы дойти до цели, мальчикам нужно было спуститься вниз, пройти по руслу реки, и уже потом свернуть в нужную сторону.

Они старались идти осторожно, по возможности — бесшумно. Однако без неприятностей не обошлось. Мигел споткнулся о корягу и упал, Энгусу терновник разорвал тунику, а Кевину поцарапал лицо. Но после того, как дошли до ручья, идти стало легче. Разулись, пошлёпали босиком. Вода приятно холодила ноги.

И вдруг, в тишине, треск и хруст! Кто-то большой и невидимый рванулся через кусты, прочь от мальчиков. Когда те пришли в себя, то поняли, что стоят спиной к спине, выставив перед собой кинжалы.

Шум затих. Кевин судорожно вздохнул.

— Бродячая собака, — промолвил он. — Или лис пришёл искать лазейку, чтобы полакомиться курами. Испугался нас и убежал. В общем, ничего страшного.

— Да уж, совсем ничего, — буркнул Энгус, но по его голосу принц понял, что толстячок успокоился.

Вверх по склону добрались без приключений, и оказались возле полуразвалившегося каменного забора. Когда-то он был добротным и надёжным, но время, солнце, дожди и ветры поработали над ним, а равнодушие хозяина способствовало этим беспощадным разрушителям. Кевин знал из разговоров, что Гаурдид собирался заняться ремонтом, но видно, пока руки не дошли. Да и сквозь разрушенную стену пробраться было очень сложно. Терновник, ежевика, шиповник и жимолость надёжно заплетали прорехи, поэтому мальчики порядком помучались и получили свежие царапины, пока сумели найти удобный наблюдательный пост.

Ветки кустарника и каменная стена скрывали их, а двор старика был как на ладони. Но когда тучи вдруг очистили небо, и яркий лунный свет залил всё кругом, Кевин засомневался в надёжности их укрытия. Однако спрятаться получше было уже невозможно. Кто-то шёл по двору.

Двор был угрюмым и неудобным. Старый дом с деревянным крыльцом, по правую сторону от дома, вдоль забора — мастерская и сараи, посреди двора — раскоряченная яблоня, ствол которой завалился набок, а ветви совершенно высохли.

Именно возле крыльца мальчики заметили движение, а внезапно выглянувшая луна осветила двух человек — старика и девочку. В них несложно было узнать Лоскенна и Олвен. Олвен что-то говорила. Слова доносились чуть слышно. Видимо, внучка убеждала дедушку пойти в дом. Лоскенн молчал. Олвен взяла его за руку и немного потянула на себя. Старик повиновался, встал, и исчез вслед за девочкой в дверях. Дверь затворилась. Кевину стало досадно.

— И что, и всё? — промолвил он разочарованным голосом.

— А ты на что рассчитывал? — спросил у друга Мигел.

— Да мне-то что. Я за Энгуса расстроен. Не посмотрелся на...

— Ты за меня не расстраивайся. — оборвал его толстячок. — И за меня не говори. Мы исполнили твою прихоть, а теперь пошли домой.

План был разумный, но, к удивлению принца, его не одобрил Мигел.

— Давай побудем здесь ещё немного, — попросил он у Энгуса. — Дома что? В кровати, и спать. А здесь — развалины, обвитые плющом, ветер шепчет в ивах у ручья, луна и звёзды на небе... Я давно так мечтал. По балке шастать не будем, а посидим здесь немного, и пойдём домой.

Принц поддержал его, да и Энгус был не против. Устроившись поудобней, они помолчали, а затем Кевин (поскольку подобная обстановка сильно располагает к таким вещам), решил рассказать Энгусу страшилку, вычитанную им у Плиния Младшего, и очень подходящую к случаю.

— В одном городе, — начал он зловещим голосом, — стоял безлюдный дом, в котором никто не желал поселиться. Владелец сдавал его за считанные гроши, но не было никого, кто прельстился бы столь низкой ценой. Все знали, что в доме этом обитает жуткий призрак! Стоило кому-либо остаться там на ночь, как вдруг, будто из-под земли, появлялся бледный старик, стонущий и звенящий цепями...

Дверь дома растворилась. Кевин вздрогнул и замолк. На пороге появился Лоскенн, и, постанывая, направился прямо в их сторону.

Мальчишки замерли. Было страшно смотреть на этого человека, бредущего по двору, словно тень. А старый лучник подошёл к забору, и сел, прижавшись к нему спиной, прямо под укрытием мальчиков. Он просидел так полчаса, и друзья боялись пошевеливаться. Старик что-то шептал и стонал, Олвен не появлялась. Видимо, девочка уснула.

Кевин мысленно благодарил отца, Лионеля и Мерла за то, что те приучили его часами сидеть в

засаде, и восхищался Энгусом и Мигелом, у которых подобной практики не было, но которые сидели не шелохнувшись. Только когда Лоскенн поднялся и стал бродить по двору, мальчики смогли немного расслабиться.

Лоскенн несколько раз обошёл вокруг яблони, затем исчез в мастерской. Он что-то искал там (судя по шуму), потом вышел с каким-то свёртком в руках, но принц не разглядел, что именно это было. А потом старый лучник сделал такое, что Кевин чуть было не присвистнул от удивления. Старик полез на яблоню.

Всё это могло бы показаться смешным, если бы не было таким печальным и жутким. Лоскенн минут пять пробыл на яблоне, затем спустился и вновь направился к мастерской. Энгус чуть слышно предложил Кевину отправиться домой. Принц отрицательно покачал головой, следя за каждым шагом старика. Он предчувствовал что-то недоброе. Мигел тоже почуял неладное, и наклонившись к самому уху Кевина, прошептал:

— Будь наготове!

Старик возвращался к яблоне. Он что-то катил по земле. Приглядевшись, Кевин понял, что это высокая колода. Лоскенн поставил колоду под деревом, и взобрался на неё. «Да что он, танцевать на ней будет, что ли?» — невольно подумалось принцу.

Он чуть было не поверил в это, когда Лоскенн вдруг резко дёрнулся. Колода упала. Но вместо того, чтобы упасть вместе с ней, старик повис в воздухе, захрипел и задёргал ногами.

Быстрее, чем за миг, мальчики всё поняли. Но ещё до того, как полностью осознать, что происходит, Кевин, Мигел и Энгус бежали к яблоне. Секунда — и ибериец с принцем подхватили старика, не позволяя удавке задушить его. Старик был на удивление тяжёлым, и Кевин чувствовал, что не выдержит долго.

— Энгус! Быстрее! Кричи! Зови! — хрипел он, а сам думал, что, наверное, поздно, и помощь не подоспеет.

И вдруг тяжесть ослабла, и Лоскенн упал на руки держащим его мальчикам.

Так бывает. Человек слабый, неуклюжий, даже увечный в минуты крайней опасности проявляет вдруг такие ловкость, силу и сноровку, что все диву даются. Мать откидывает толстенный ствол, придавивший её ребёнка, калека запрыгивает на высокую стену, спасаясь от злобного зверя. Вот и Энгус, не отдавая отчёта своим действиям, взлетел, как дикая кошка, на ствол яблони, и перерубил кинжалом верёвку. Мигел всё это видел, и восхитился своим товарищем. Но выразить восторги было некогда. Кевин сорвал петлю с шеи старика, однако тот вёл себя, как безумный. Дико

закричав, он вскочил, и оттолкнул иберийца. Кевин дёрнул Лоскенна за ноги и повалил на землю.

— Держи его, он убьёт себя! — крикнул он другу.

Мигел тоже навалился на несчастного, и вместе они прижали его к земле. Он дергал ногами, пытался вырваться, и встревоженные его воплями соседские псы зашлись бешеным лаем. Потом старик вдруг затих.

Энгус, держащийся за ветку и наблюдающий за тем, как друзья пытались усмирить старика, вдруг услышал глубокий вздох. Он поднял глаза, и невольно обомлел. На пороге дома стояла Олвен, и смотрела на него. Тут бы продолжать быть героем, и достойно завершить свой подвиг, но не вышло. Тело мальчика обмякло, неожиданная и неслыханная ловкость сменилась полной потерей сил, и Энгус грохнулся с ветки на землю, едва не придавив Кевина. Пережитый случай был страшным, мальчики ещё не пришли в себя, но всё же принц остался верен себе. Посмотрев на стонущего Энгуса, он прищёлкнул языком и обратился к Мигелу:

— Точно сказать не могу, но, по-моему, в этот раз попытка освоить навыки полёта была гораздо успешней. Чувствуется нестигаемая уверенность, плавность движений, да и приземлился мягче... Ты как считаешь?

Сказал он это шёпотом, и сразу замолк, смущённый и удивлённый. Затихший в их объятиях Лоскенн горько плакал.

— Если Ты есть, говорил я Ему, — судорожно всхлипывал старик, — И если мои мальчики у Тебя, то пошли Своих ангелов, пусть они меня остановят. И тут... И вот...

Старик сел и закрыл лицо руками. Рыдания душили его, и он больше не мог говорить. Олвен помогала Энгусу подняться. Мигел держал Лоскенна за руку, смотрел на звёзды, и лицо у него было неопиcуемо светлым. На улице слышались крики, блестели факелы. Принц увидел, как во двор вбежали Гаурдид, Карина и Ирголл.

«Паршивый из меня ангел», — думал Кевин. — «Пришёл понаблюдать за безумцем, и вдруг такое вышло. Ну, точно, недостойное орудие в руках Господних. И что я скажу Родерику, Корнелии, друзьям и отцу? И этим добрым людям?»

Всё было как во сне. Олвен что-то объясняла родителям. Кевин не очень вслушивался, но одну фразу различил. Олвен показала на Энгуса, и сказала: «А пока они держали дедушку, он взлетел на дерево, и перерезал верёвку!»

Карина всплеснула руками, и сказала что-то про настоящих героев. Кевин себя героем не чувствовал. Чувствовал он себя дурак-дураком.

Поэтому поток его мрачных размышлений не прекращался.

«Ангелы! — думал он. — Чертёнок я, а не ангел. И Энгус тоже — ангелочек. Сидит весь красный, и смотрит на свою Олвен, а уж она на него! С ними, конечно, всё ясно. Как говаривал в подобных случаях Мерл Лионелю, полагая, что я его не слышу «Будут дети!». Был друг, нет друга. Поживёт ещё три года нормальной жизнью, а потом прости — прощай, старина Энгус».

Кевин вздохнул и перевёл взгляд на Мигела.

«А вот Мигел, это и вправду архангел. Не зря ему дали такое имя. Прямо весь светится. Но ему — то что? Я всё затеял, мне и отвечать».

У детей так бывает. Кевин еще не осознал, что он предотвратил ужасную трагедию, и спас человеческую жизнь. Он думал о том, что то, что должно было остаться тайным, стало явным, и придется теперь во всём признаваться.

Лоскенн утих. Гаурдид сел рядом с ним. Кузнец Ирголл, подумав, что у Кевина такое несчастное лицо от испуга, подошёл к нему, и ободряюще похлопал по плечу.

Не переживай, Воронёнок. Всё позади. Вы молодцы!

Тем временем Гаурдид поднял Лоскенна, и тепло спросил, в порядке ли он.

— Да, сынок, — ответил старик. — Спасибо этим ребятам, не дали совершить грешное дело. Пригласи их завтра к нам в гости, хочу разглядеть их лица.

Карина, обняв старика за плечи, повела его в дом. Гаурдид посмотрел на трёх друзей, поклонился им и сказал:

— То, что я и моя семья ваши вечные должники, так это сам собой. Но всё же объясните мне, что вы здесь делали?

«Ну, началось», — подумал Кевин, и опустил глаза.

Козль и его волки

В конце концов друзья, которым было очень неловко за свой поступок, поняли, что после ночного приключения ничего, кроме доброй славы и уважения, им не грозит. Кроме многочисленных похвал мальчики заслужили и другую награду — сам Лоскенн Лучник стал их старшим другом, а это вам не что-нибудь. Уже на следующий день он пришёл к дому Родерика, встал у калитки и долго смотрел на троих мальчиков, болтавших с оружейником у крыльца. Мигел и Кевин только что вернулись из монастырской школы, и теперь что-то оживлённо рассказывали Энгусу и Родерику. Сипловатый старческий голос прервал их беседу.